

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ ТРАДИЦИОННАЯ

Д. В. Анкин

*доктор философских наук, профессор кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Единственный вопрос,
имеющий значение для философии, –
вопрос, истинна она или ложна.
Р. Дж. Коллингвуд

1. Традиция.

Методы доказательства, аргументации и обоснования, характерные для аналитической традиции философии немыслимы без науки. У философов древности доказательная, теоретическая аргументация равняется самой науке. Философская традиция доказательства и обоснования ничем от науки не отличалась, философия и наука у древних никак не разграничивались. Использование математических доказательств для предсказания затмений, сбор опытных данных в области изучения животных – это и есть философия от Фалеса до Аристотеля и дальше. «Филиа» как стремление присутствует и в утверждении Аристотеля, что «все науки стремятся к мудрости». Для древних греков нет мудрости вне науки в смысле sciences, полководцы и законодатели для древних еще не мудрецы, мудрецы для древних – это физики и математики (по крайней мере, до V века до н. э., до софистов).

В европейской традиции понятия философии и науки прошли несколько стадий эволюции. В античности данные понятия никак не разграничивались, в средние века мы также не найдем их разграничения, и лишь в Новое время начинается процесс дифференциации, который приводит к закреплению институциональному делению – на институциональном уровне к разграничению факультетов в университетах – лишь в XIX в.

В то же время, в рамках существующего на протяжении двух тысячелетий общего тождества между философией и наукой наблюдаются трансформации внутренних границ между отдельными дисципли-

плинами единой философии-науки. Так в античности в IV в. до н. э. возникает достаточно распространенное (эпикурейцы, стоики и др.) деление философии на физику, диалектику (=логику) и этику. Большое значение имеет также выделение «первой философии», или теологии. Конечной целью античной теологии оказывается исследование природы как воплощения богов. Вероятно, именно этим можно объяснить особенности «греческого чуда», революционные, поражающие нас достижения древних в науках.

В эпоху христианства античная теология была переименована в «метафизику». Возникло данное слово чисто случайным образом (для обозначения текста «первой философии» Аристотеля, которую сам Аристотель именовал «теологией»), но в дальнейшем закрепилось и стало вполне мотивированным, связанным с задачами христианской апологетики. Теологам потребовалось развести обожествляющую природу и науки о природе теологию древних и теологию новую, связанную с идеей «мира иного». «Теологией» стала называться собственно христианская теология, говорящая о трансцендентном, а не имманентном, как в античности, боге. Таким образом, разговор о боге перестает быть наукой в смысле греков, перестает быть исследованием природы.

Частичное возвращение к исследованию природы в западно-христианской теологии можно наблюдать в разделении теологии божественной и теологии естественной, а также связанной с данным разделением идеей «двух книг» позднего средневековья: священного писания и сотворенного мира как принципиально различных предметов теологического исследования. Естественную теологию можно рассматривать как некоторое предвестие последующей экспериментальной науки (можно также отметить борьбу христианских теологов с магией и оккультизмом).

Значительная часть европейской философии была сохранена и развита в рамках арабской культуры, а затем возвратилась в средние века в Европу. Факт подобных исторических миграций философской мысли можно истолковать как относительное безразличие философии к национальным, религиозным и культурным влияниям. Философское наследие остается самим собой независимо от того, к какой национальной и религиозной культуре оно принадлежит: «европейское» и «арабское», «христианское» и «мусульманское», «греческое» и «курдское» – иррелевантны для универсального содержания философии (= науки). Философия как наука не может быть ни арабской, ни европейской, ни греческой, ни русской, ни христианской, ни мусульманской, по крайней мере, в своих наиболее универсальных теоретических аспектах.

Соединение с религиозной традицией уничтожило бы философию (науку). Поэтому дистанция христианских теологов в отношении

философии имеет и весьма позитивный смысл – это не только отстранение самой теологии от научного исследования природы, но и отстранение науки от возможного поглощения новой трансцендентной теологией христианства. Если бы возникла «христианская философия», европейская наука тут же была бы уничтожена, поэтому очень даже хорошо, что такого феномена как «христианская философия» никогда не существовало – начиная с апостола Павла, теологи дистанцируются от «философов» (интересно было бы сравнить данное отстранение от философии с 11 тезисом К. Маркса о Л. Фейербахе – «“философы” лишь различным образом объясняли мир <...>»). Отстранение христианской теологии от философии не исключает наличие взаимодействия развитой христианской теологии с платоническими, аристотелианскими, стоическими и другими философскими концепциями в рамках догматики и апологетики. Исключается лишь возможность «христианской философии» (что было очень хорошо, с нашей точки зрения, для сохранения науки).

Если для античности характерно деление философии на физику, этику и диалектику (логику), то для средневековья характерно деление философии уже на семь «свободных искусств», объединяющих тривиум грамматики, диалектики (логики) и риторики, а также квадриум астрономии, музыки, арифметики и геометрии (данное подразделение зарождается уже в школах древнего Рима). Если для античности характерно отождествление науки с теологией, то для средневековья характерно их разграничение. Науки становятся «служанками» теологии, философия становится пропедевтикой теологического исследования. В средневековых университетах докторская степень присуждается за теологические достижения, философ же всего лишь бакалавр.

Необходимо кратко остановиться на терминах «логика» и «диалектика». Термин «логика» ни в античности, ни в средние века не использовался, а термин «диалектика» использовался и трактовался в спектре значений синонимичных нашему слову «логика». И лишь в философии И. Канта мы имеем разграничение логики и диалектики, с отнесением последней к области «софистического искусства». До этого, начиная с Зенона элейского, было общепринятым считать диалектику формой логической аргументации – критики гипотез методом доказательства от противного. Негативный акцент Кантовского разграничения сменяется позитивным – в пользу перетолкованной диалектики – противопоставлением «спекулятивной логики» и общей логики у Гегеля (термина «диалектическая логика» в текстах Гегеля еще отсутствует, данный термин изобрели марксисты). В дальнейшем это новое значение термина «диалектика» связывается у наследников Гегеля с онтоло-

гической проблематикой некоторого безразличного к логике типа, чего в предшествующей философии никогда не наблюдалось.

В философии Нового времени синонимичность терминов «наука» и «философия» сохраняется вплоть до Канта и кантианцев (Р. Декарт, Г. Лейбниц и др. мыслители об отличии философии от науки ничего не знали). В то же время, единое теоретическое поле философии-науки дифференцируется отличным от предшествующих веков способом. Так, в школе Х. Вольфа начинают использоваться такие термины как «онтология», «эстетика» (в значении учения о чувственном познании в рамках «теоретической философии») и др. В предшествующие тысячелетия данные термины не использовались. Затем возникает «аксиология» (неокантианцы), философия науки другие разделы современной философии.

2. Противоположность.

Отход от аналитической традиции впервые обнаруживается у древних риториков – софистов. С софистов начинается неаналитическая традиция европейской философии, которая развивается параллельно аналитической и взаимодействует с ней. Философия выходит за границы науки с возникновением школы софистов, в которой обучение полководцев и законодателей тоже становится философией. В то же время, расширяется и сама аналитическая традиция – из движения софистов рождаются такие критики как Сократ, Платон и Аристотель. В большей степени критиками, а значит и аналитиками проявляют себя Сократ и Аристотель. Платон в полной мере овладел мастерством риторической традиции, однако аналитическое и критическое у него все же преобладает, что проявляется в крайне негативной реакции на поэзию и риторику.

Имеет смысл и разделение философии на «философию плюс наука» и «философию плюс литература» (Р. Рорти). Риторическая традиция убеждения противоположна научной аргументации, противоположна доказательству. С точки зрения философии в качестве доказательной аргументации литературные достоинства либо никакого значения не имеют, либо играют второстепенную роль. Поэтому в рамках аналитической традиции невозможно рассмотрение философского текста в качестве произведения, философия никогда произведением не бывает.

В рамках предложенного Р. Рорти деления философии, И. Кант выглядит последовательным сторонником аналитической традиции, т. е. «философии плюс наука». Кант резко негативно относится к риторическому убеждению, в «Критике чистого разума» он относит всякую диалектику к области «софистического искусства», создающего видимость знания при его действительном отсутствии. Однако, как это ни парадоксально, возможны и иные, прямо

противоположные трактовки наследия Канта, одну из которых мы сейчас рассмотрим.

Стремление к убеждающему воздействию аналитической традиции настолько чуждо, что рассматривается многими аналитиками как недопустимое. Например, аналитик Р. Рорти попытался что-то позаимствовать из современной традиции философии убеждающей, риторической (М. Хайдеггер, Ж. Деррида и др.). Однажды Рорти для пущего эффекта назвал себя первым постаналитическим философом (вероятно, в подражание Хайдеггеру, самопровозглашенному «постметафизическому» метафизику), чтобы подчеркнуть новизну собственной позиции. На следующий день он узнал, что уволен <...>. Инициатором увольнения Рорти оказался такой неподкупный рыцарь аналитической мысли, как У. Куайн. Хотя, прямая расправа со «скатами», риториками и идеологами не является типичной реакцией аналитического сообщества. Более характерна критика.

Понятие критического мышления важно для аналитической философии. О необходимости критики для возникновения и развития науки, равно как и философии, являющейся наукой, замечательно писал К. Поппер. Критику любил Сократ, полагающий, что высшая польза для него состоит в том, что оппонент критикует его позицию. «Неверно сравнивать меня с морским скатом <...>», парализующее убеждение – удел раторов, а не аналитических философов. Показательна в данном отношении позиция Дж. Э. Мура, который был удручен успехом (!!) собственной лекции и аплодисментами аудитории потому, что считал собственные аргументы, приведенные на данной лекции, недостаточно обоснованными.

Там где есть иммунизация от критики, аналитическая традиция невозможна.

Гипотеза Ф. Brentano о циклическом развитии философии. Можно ли провести разграничение между аналитическим и неаналитическим философствованием в истории. Интересна попытка Франца Brentano изложенная у К. Твардовского¹, ученика Brentano и основателя Львовско-Варшавской школы аналитической философии. Интересно отметить наличие методологии логико-лингвистического анализа у самого Твардовского, который подчеркивал, что всякая ссылка на проблемы формулировки и выражения мысли являются на деле проблемами самой этой мысли, вне языка не существующей. А теперь перейдем к изложению концепции Brentano.

Согласно Brentano в истории философии можно выделить по крайней мере три периода развития философии по схеме:

¹ См. подробнее: Твардовский К. Франц Brentano и история философии // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997.

1) философия как наука; 2) философия как практическая мудрость; 3) скептицизм; 4) эклектизм и умирание научной мысли. По схеме указанных четырех этапов, сменяющих друг друга, развивалась философия античная, философия средневековая и философия нового времени. Схема Брентано позволяет выделять «аналитические стадии» в каждой из трех указанных эпох истории философии.

В качестве примера ограничимся философией нового времени. Основатели философии нового времени – от Р. Декарта и Ф. Бэкона до Г. Лейбница принадлежат «аналитической» стадии расцвета научной философии, связанной с рациональным обоснованием, близким математической науке и научным экспериментом, возникшим в естествознании нового времени. Они строят свои философские теории как научно обоснованные системы. Достаточно вспомнить Декарта с его призывами к медленному и тщательно обоснованному разворачиванию философского исследования, с его отрицанием какого-либо разграничения между метафизикой («корни науки») и физикой («ствол науки»).

После Лейбница начинается первая фаза упадка – философия стремится стать действенной, влиять на жизнь, идеалы и нормы науки не соблюдаются столь строго, моральная и социальная мысль выходит на первый план. Это эпоха Просвещения, школа Х. Вольфа в Германии, энциклопедисты во Франции. Вторая фаза упадка – это переход к скептицизму, вера в разум теряется. Д. Юм одна из наиболее ярких фигур данной стадии. Однако разум нуждается в той или иной форме реализации, долго жить скепсисом философия не может, поэтому неизбежно возникает последняя стадия вырождения – эклектика и поиск новых источников знания, неведомых науке. Это и Шотландская школа здравого смысла, и Кантовский априоризм как альтернативные науке пути достижения философской мудрости. Оказывается, что Канта можно трактовать не только как философа принадлежащего аналитической традиции, но и как философа чуждого ей! Наконец, дном падения и пренебрежения наукой оказывается послекантовская немецкая классическая философия, вплоть до Г. В. Ф. Гегеля, ниже которого философия деградировать уже не может, а поэтому ожидается новая эпоха и возрождение научной философской мысли в ее начальной стадии.

Можно сказать, что в некотором отношении предсказание Брентано сбылось. Во второй половине XIX в. мы видим таких мыслителя, как Ч. С. Пирс, основатель семиотики, современной математической логики, физик, которому предлагали заведование кафедрой теоретической физики в Гарварде, лингвист, медиовист и т. д. Универсальность Пирса ничем не уступает универсальности Лейбница и древних. Во второй половине XIX в., начале XX в.

мы видим также Г. Фреге, Р. Карнапа и других философов, которые были настоящими учеными. Достаточно вспомнить, что Карнап занимался на семинарах Фреге проблемами логической формализации специальной теории относительности А. Эйнштейна.

Представляется, однако, что историческая последовательность стадий деградации философской эпохи со второй половины XX в. уже не наблюдается. Философ аналитик, философ исследователь оказывается современником философов эклектиков, мистиков и идеологов, готовых вытащить истину легким движением руки из собственной философской шляпы на радость восхищенной публике.

ЗНАЧЕНИЕ ЗНАКА: ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ

Д. В. Пивоваров

*доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
религиоведения Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

1. Понятие знака. Дж. Локк ввел термин «знак» в отношении слова как основной единицы языка: знаки суть символы наших идей. Г. В. Лейбниц добавил: слова – это символы идей и вещей, так что существует двойственная зависимость знаков от идей и обозначаемых предметов. Единицами языка чаще служат слова и предложения, а из них складываются тексты различной длины. Слово, предложение и текст – сложные знаки. Оперирование такими знаками лежит в основе вербально-логического мышления. Другие виды мышления (визуальное, аудиальное, тактильное, запаховое и вкусовое) основаны на знаках иной модальности, а именно на графемах и символике цвета, музыкальных аккордах, осязательных комплексах, букетах запахов и вкусов.

Американский мыслитель Ч. С. Пирс, один из основоположников философии прагматизма и семиотики, сформулировал следующее классическое определение всякого знака, будь то слово или запаховый медиатор: знак есть такой предмет X , который замещает субъекту (интерпретатору) некоторый другой предмет Y по признаку (отношению) R . Пирс подразделил знаки на следующие группы: 1) чисто условные знаки-индексы; 2) иконические знаки, схематически похожие на обозначаемые предметы; 3) знаки-символы, многозначные и неопределенные.

В принципе любой предмет может стать знаком, если договориться подставлять его мысленно, по формуле « $x(R)y$ », вместо